

**Сражались ★
за Родину**

ДАНИИЛ ★
КАЛИНИН
**НА ПОСЛЕДНЕМ
РУБЕЖЕ**

МОСКВА
2023

ЯУЗА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Художник Игорь Варавин

Калинин, Даниил Сергеевич.

К17 На последнем рубеже / Даниил Калинин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2023. — 288 с. — (Сражались за Родину).

ISBN 978-5-04-186999-1

Декабрь 1941 г. Враг стоит у ворот Москвы. Советское командование из всех сил старается не допустить немецкого контрнаступления и разрыва коммуникаций. Немцы прорываются к Ельцу, чтобы перерезать снабжение столицы с Кубани и Кавказа. Обескровленные советские дивизии насчитывают лишь по 300 активных штыков, а танковые бригады — по 12 исправных танков. Но именно эти части удерживают один из тех рубежей обороны, который принято называть последним, который нельзя сдавать. Поможет ли «генерал Мороз» героям книги остановить немецкие танки?

Пехотинец, сражающийся за свою любовь, танкист, люто ненавидящий фрицев, артиллерист, который обрел веру на войне, и взводный лейтенант, потомственный военный, для которого служение Родине является главной целью в жизни... Хватит ли им мужества и умения устоять перед врагом?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Калинин Д.С., 2023
© ООО «Издательство Эксмо», 2023
ISBN 978-5-04-186999-1 © ООО «Издательство Яуза», 2023

Часть первая

ОБОРОНА ГОРОДА

Глава 1

3 декабря 1941 года.

Железнодорожная станция Елец.

Рядовой 507-го полка 148-й стрелковой дивизии

Алексей Белов.

...Близкий удар пули поднимает фонтанчик снега. Искрящиеся на солнце льдинки больно бьют по глазам, и я рефлекторно вжимаюсь в ячейку.

Норки. Мышиные норки, которые не везде удалось связать узкими ходами сообщений. В частности, мою.

Потому сейчас я один. ОДИН. Мне не перед кем храбриться, никто меня не поддержит и не окричит. И я могу честно признаться себе, что боюсь. Что очень сильно боюсь.

Тяжелый удар артиллерийского снаряда сотрясает землю. С бруствера на шинель сыплются комья мерзлой земли и грязный снег; он попадает за воротник. Но я не чувствую холода. Я вообще ничего не чувствую, только пытаюсь сжаться еще сильнее.

Земля дрожит под тяжестью приближающихся танков. Их всего два. *Всего...* Я мог так думать до сегодняшнего дня, пока Митьку Архипова с расчетом не накрыл первый же выстрел долбаного

фрица! Единственный в роте станковый «максим», гордость сержанта... Больно он большой, да и громоздкий щиток уверенно выдает позицию пулеметчика.

Неимоверным усилием воли заставляю себя приподняться. Только на уровень глаз, чтобы увидеть противника.

Вот же!.. Они уже совсем близко. Метров 500, не больше.

Какой противный свист у этих мин! Совсем рядом со мной взрывается один такой подарочек; некоторые бойцы называют его «огурцом». Вроде и небольшой снаряд, но старожилы дивизии, успевшие повоевать в Белоруссии и под Смоленском, больше всех ненавидят именно минометчиков с их «огурцами». Ну после «лаптежников», конечно. Уж больно часто сыпят — с боеприпасами у немцев порядок, не то что у нас.

А между тем фрицы из своих «самоваров» начинают нас конкретно давить. Свист становится нестерпимым; он словно ледяная змея, что забирается за шиворот, — противно, и достать никак не получается.

Негромкие хлопки вокруг меня бьют словно кнутом. В ответ раздаются матюки храбрых пацанов... и первые крики боли.

Я снова прячусь в стрелковой ячейке. И какой дурак решил копать их вместо окопов?! Там-то ты не один, там ты чувствуешь плечо товарища; там гораздо легче бороться с ужасом, что охватывает новичка в первую схватку.

Но между тем не видеть врага еще страшнее. Нет, не храбрость заставляет меня снова приподняться над бруствером, нет. Просто умереть вот так, сжавшись в комок и видя лишь раскисший чернозем, пе-

ремешанный со снегом, — это даже хуже, чем поймать случайную пулю.

Однако, увидев противника еще раз, я вновь закрываю глаза. Надеюсь воскресить в памяти хоть что-то, что на секунду затмит картину наступающих по снежному полю фрицев: пехотинцев, расчеты орудий, толкающие перед собой мелкие, но точные и скорострельные пушечки, две громадины танков...

— Леша, Лешенька... ну, остановись! Нельзя же!

— Ань... Меня завтра забирают на фронт. Там война! Ты понимаешь, что после уже ничего, может, и не будет? Меня не будет!

— Леша... Лешенька... Милый...

Горячие полные губы девушки, соленые от слез жалости и стыда, наконец-то отвечают на мои требовательные поцелуи. Руки бешено хватают нежную девичью плоть, упругую и горячую, даже обжигающую. Восторг первой близости заполняет сознание... Я будто не слышу ее вскрика, лишь крепче сжимая дрожащую девчонку в объятиях...

...— Что, опробовал девку? Колись, Леха! Хороша Анютка-то, а?! Может, и нам обломится?!

Лошадиный гогот земляков, призванных со мной в одну роту, заставляет до боли сжать пальцы в кулаки. Но вместо того чтобы дать в рыло зубоскалу, высмеивающему мой горделивый рассказ (я-де теперь мужик, теперь и помирать не страшно), отвечаю лишь гаденькой улыбкой:

— Хороша...

А ведь Витька сам за Анькой увивался, и в его злой похабщине сквозит боль. Может, он даже ее любил, но она предпочла гулять со мной и на деревенских танцах меня выбирала. Хотя я сох по Ксюхе.

Но сейчас на душе гадко, будто в дерьме извалялся. И за себя, не сумевшего свое хвастовство над обманутой девкой скрыть (да хоть бы по-мужски за нее заступиться!), и за Витьку, что любовь свою не сберег, а теперь, видно, решил отомстить...

Очередная вспышка злости и запоздалого раскаяния на секунду меня отрезвляет. Я будто смотрю на себя со стороны: маленький, трясущийся, жалкий... Конечно, красивая и умная Ксюшка не смотрела в мою сторону — видела, что я за птица. А Анька, может, и видела, но жалела. Или еще что — любовь зла, сердцу не прикажешь. И чем я ей отплатил? Опозорил незамужнюю девку, убедив, что могу умереть.

Да, могу! Но и Витька может. И вся рота моя может сегодня погибнуть, и весь батальон, и даже весь 507-й стрелковый полк в полном составе. И погибнет, если каждый боец будет жаться на дне ячейки, не в силах и раза выстрелить по врагу!

Больно. Внутри вдруг стало больно, словно судорогой все нутро свело. А по щекам побежало горячее. Провожу по коже грязной рукой — слезы! Заплакал заяц!

Усмехаюсь сам над собой. Трус... Но и трус может за любимых драться, за землю родную. И чем он тогда отличается от смелого? Впрочем, тот свой страх не побеждал, он же смелый. Мне пришлось сложнее...

Наконец-то поднимаю винтовку, родную трехлинейку. Неспешно укладываю на бруствере, крепко упираю приклад в плечо. Судорога внутри будто бы отпускает... Ловлю в прицельную планку вскочившую фигуру.

А не такие вы и страшные, когда на вас через прицел смотришь.

Тяну за спуск.

Выстрел!

Немец падает, но не от пули: фриц как раз закончил короткую перебежку. Вроде и невелико расстояние, всего-то метров 400, но попробуй попади: враг вскочит, пробежит метров 15–20 под прикрытием пулемета и товарищей и снова залегает. А пулеметы, ух! Метко содят, плотно!

Я вдруг начинаю смеяться. Да даже хохотать — так легко вдруг стало, когда страх отпустил. Нет, правда отпустил! И очереди вражеские в мою сторону летят, и мины рядом падают — а мне вдруг нестрашно. Наверное, понял, что умереть — это не самое худшее в жизни. Гораздо хуже жить безвольным трусом.

По-прежнему хохоча, ловлю в прицел вспышки вражеского пулемета. Ведь в мою сторону бьет, гад! Очередь рядом с бруствером легла, снег перепахала! Ну, подожди, брат лихой, сейчас мой черед стрелять будет!

Навожу прицельную планку ровно под срез бьющегося на раструбе пламени. Ровно как учили. Глубоко вдыхаю и медленно так выдыхаю, чуть задерживая воздух в конце. Тяну за спусковой крючок.

Выстрел!

Вражеская очередь обрывается.

Ха-ха-ха! Да я пулеметчика заткнул, ребята! Будет теперь что пацанам рассказать, будет! Есть чем гордиться, я теперь уж точно мужиком стал!

А попробует Витька еще раз Аньку обидеть — ей-богу, все зубы повыбиваю, не побоюсь трибунала!

Короткая вспышка острой боли в груди — а я все еще смеюсь. Ну или хотя бы улыбаюсь. Ведь хорошо же, хорошо же как — когда страх свой побеждаешь,

когда правильный выбор делаешь, несмотря ни на что! Это, наверное, и есть самое главное в жизни!

Хорошо. И небо над головой такое синее-синее... Только почему-то я смотрю на него из ямы. Как я сюда попал? А впрочем, какая разница?! Главное, что спокойно так, уютно. И не больно совсем, нет. Только холодно очень...

Ефрейтор 386-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона Владимир Афанасьев.

...400 метров. Сердце невольно пускается вскачь — сейчас немецкие наводчики нас разглядят, и все, пиши пропало: капониры укрывают только низ орудия. Ну же, сержант, когда дашь отмашку?!

Впрочем, он сам нервно ждет сигнала комбата: батарея должна открыть огонь одновременно.

Угловатые коробочки фрицевских танков уже находятся в зоне эффективной стрельбы. Если я правильно их опознал (мы изучали силуэты и ТТХ вражеских машин весь последний месяц), это «тройки», средние танки с не очень мощной пушкой калибра 50-мм. Зато броня у них неплохая, 30-мм лоб башни и аж 50 — лоб корпуса. Поэтому и приходится подпускать их так близко.

Вообще-то зенитный артдивизион — это сила, способная остановить и более внушительную вражескую атаку. Пусть даже неполный — орудия и расчеты повыбило во время воздушных налетов, кого-то перевели вместе с матчастью.

Но дело-то в том, что мы не готовились отражать танковую атаку, а потому до последнего держались на позициях, с которых перекрывали небо над станцией. Три батареи по штату, четыре трехдюймовки

«3-К» и восемь 37-мм зенитных автоматов «К-61» (на котором я служу первым номером, наводчиком по азимуту), смогут обеспечить надежную защиту крупного объекта, лишь разделив небо на сектора (с выбором высоты под возможности конкретного орудия). Для этого батареи располагаются на значительном удалении друг от друга, выстраивая «треугольник». Вот только сейчас самые мощные орудия — трехдюймовки (они бы за километр достали «тройки») находятся вообще по ту сторону многочисленных путей. Да и вторая, более многочисленная батарея (три орудия) расположена слишком далеко от места схватки — она прикрывает «север» вытянутой станции и железнодорожный мост.

Можно было бы подтянуть обе батареи к началу немецкой атаки, можно. Только слишком стремительно развивались события с самого утра. Еще пару часов назад в Казинке стояли наши, держались на подготовленных позициях, контратаковали... а уже сейчас немцы прут прямо на нас. Хоть не одни деремса, стрелковый батальон вон уже минут 20 воюет!

Два орудия на два танка, расклад равный. У немцев, правда, еще расчеты противотанковых пушек показались, зато на станции притаился цельный бронепоезд. Да. Только вот вооружен он все теми же трехдюймовками (не зенитными, гораздо менее мощными), а фрицы за Казинкой уже развернули батарею полковых гаубиц (бляха муха, у них даже полковая артиллерия представлена гаубицами, не говоря уже о дивизионной; как с ними воевать-то?!). Перед атакой гитлеровцы неплохо так прошлись по позициям батальона, и рискни экипаж бронепоезда высунуться сейчас, он лишь обречет себя на

бесцельную гибель. Нет, команда бронепоезда вступит в бой, если фрицы прорвутся на станцию: гаубицы не смогут вести огонь, не накрыв собственной пехоты.

...Руки судорожно сжимают маховик поворотного механизма. Повинуясь тихим командам сержанта, я медленно поворачиваю орудие, ведя «свой» танк. Ну когда же... Не в силах сдерживать волнение, я на секунду оглядываюсь на других членов расчета, своих боевых товарищей. Все они волнуются, крайняя степень напряжения и ожидания написана на их лицах, но не трусит никто. Еще бы, уже сколько раз под бомбежками были! А сейчас нам противостоят не скоростные самолеты, а «всего лишь» тихходные танки. Пускай и смертоносные...

Расчет зенитного орудия — это элита среди артиллеристов. Нельзя сравнивать нас с обслуживанием противотанковых пушек, что несут самые большие потери, но воюют на мелких, легкоуправляемых сорокапятках (там только один наводчик, от которого в основном и зависит исход боя). И уж тем более с расчетами полковых пушек и гаубиц, зачастую ведущих огонь по секторам, да с закрытых позиций. Нет, у нас каждый член расчета — это важнейшая единица, без которой боя не проведешь. Два наводчика (по вертикали и горизонтали), два прицельных (по дальности и по скорости, углу пикирования) и заряжающий, что должен успевать вставлять в пазы пятипатронные обоймы, пока зенитка бешено вращается. Без подачи же боепитания перестанет работать автоматика, и орудие замолчит.

Наши действия должны быть предельно слаженными и четкими, мы представляем собой сложный

боевой организм. А потому не по службе отношения внутри расчета очень теплые, практически семейные. И я рад, что каждый член моей семьи готов к бою. Так что посмотрим, кто сильнее: боевое братство советской артиллерии или автоматизм немецких танкистов.

Сержант, ну когда же ты уже скамандуешь...

Вся эта бравада, все посторонние мысли — это лишь попытка отвлечься от липкого, разъедающего душу страха. У зенитчиков обычно нет передовой в привычном понимании этого слова, наш фронт — это небо, и мой экипаж, на счету которого уже два немецких пикировщика, достойно себя проявил.

Вот только сегодня мы оказались именно что на передовой...

Метров 380... Ну же, когда начнем!

Один из танков в очередной раз делает «короткую» (двух-, трехсекундную остановку, чтобы довести орудие и выстрелить), и я в одно мгновение понимаю, что это будет «наш» выстрел. В груди вдруг образуется пустота; одновременно я начинаю видеть так, как никогда раньше в жизни не видел. Или мне только кажется? Но как же еще можно объяснить, что я разбираю номера на борту немецкой машины, что явственно вижу жерло орудия, нацеленного словно на меня одного!

— Огонь!!!

Яростная команда сержанта перекликается с грохотом зенитного автомата, отправившего в цель первую пятерку бронебойно-трассирующих снарядов. Немец выстрелил чуть раньше, но выпущенный им осколочный с диким воем рассек воздух метрах в десяти слева и взорвался уже за спиной.

— Быстрее снаряды!

Наша первая очередь также не слишком точна, болванки лишь пропахали борт башни, оставив на броне светящиеся от жара малиновые полосы. Но преимущество автомата в гораздо большей скорострельности; «тройка» лишь успела тронуться, прежде чем поймала еще пяток снарядов в лоб корпуса. Танк сильно дернулся, словно налетел на гигантскую стену; секунду спустя открылся единственный люк, из которого тут же густо попер дым. Следом показался будто бы пьяный человек — до того неточны его движения. Он сумел перебросить свое тело через борт машины, но через мгновение из люка ударила тугая струя пламени. Дикий, нечеловеческий крик, наполненный болью, резко ударил по ушам...

Сильный взрыв отвлек мое внимание от погибающего в огне экипажа (хоть и враги, но смерть жуткая) и заставил обратить внимание на второй танк. Но, видимо, «соседям» повезло больше: вражескую машину словно разорвало изнутри, а башню так вообще отбросило взрывом. Очевидно, очередь броневой снарядов прошла ее более тонкую броню и попала в боеукладку, вызвав детонацию снарядов.

Как там говорил Александр Невский? «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет!» Учите историю, псы немецкие!

*Рядовой 507-го полка 148-й стрелковой дивизии
Виктор Андреев.*

Оба фашистских танка горят яркими чадными факелами. Жар огня, поглощающий остовы боевых машин, столь страшен, что достает до наших позиций; я ощущаю его кожей лица.

Зенитчики без промедления перенесли огонь на поле, ударив по пулеметным расчетам. Немецкое наступление, лишившееся главной ударной силы и огневого прикрытия, в одночасье захлебнулось.

Удобный момент. Я уже предчувствую нашу контратаку; руки до боли стискивают цевье винтовки и ложе приклада. Кровь бьется в висках так, что я буквально слышу удары своего сердца.

— РРРО-О-ТА-А! ЗА РРРОДИНУ!! ЗА СТАЛИНА!!!
УРРА-А-А-А!!!

Старлей бросается вперед. За ним, бешено крича и матерясь, поднимаются красноармейцы. Всеобщий порыв столь заразителен, что я даже не заметил, как покинул свою ячейку. Лечу вперед, раззявив рот в диком, беззвучном крике.

Ярость, охватившая бойцов, объяснима: сколько мы ждали немцев, сколько готовились — и все равно они ударили неожиданно, все равно прорвались. И если бы не зенитчики, как пить дать, враг выбил бы нас со станции. Кто-то из моих сослуживцев уже погиб, многие вскоре погибли бы — слишком грамотно и умело воюют немцы, словно бесстрашный и бездушный механизм.

Но стоило им лишь на мгновение сбавить натиск, дрогнуть — и давящее, безусловное превосходство врага куда-то исчезло. Страх, который я гнал от себя бешеной (и наверняка неточной) стрельбой, страх, который мешал целиться и заставлял выть по-звериному, от ужаса, — он переродился в дикую, всепоглощающую ярость. И сейчас, пробиваясь к врагу по снегу, каждый из нас одержим лишь одним желанием — дотянуться до немца, насадить на штык, дотянуться до следующего немца...

Мы бежим не пригибаясь, в рост. Мы видим лица своих врагов — и теперь уже на них написан страх смерти. Где-то в груди рождается звериный рык, рвущийся наружу. Сейчас, твари, сейчас...

Немцы встречают нас плотным пулеметным огнем, меткими винтовочными выстрелами. Вокруг меня, словно натолкнувшись на невидимую преграду, падают товарищи — еще с детства знакомые ребята. В сердце вновь забирается ужас — дикий, первобытный ужас скорого конца.

Но он не бросает меня назад, нет. Он дает силы пролететь последние несколько метров, разделяющих нас с врагом.

— А-а-а-а!!!

Зло оскалившись, дюжий, крепкий немец (головы на полторы выше) вскидывает карабин. Дуло винтовки смотрит прямо на меня — а я бегу на врага, словно замороженный, не в силах свернуть в сторону, отскочить, нырнуть вниз.

Крохотная вспышка пламени заставляет на секунду зажмурить глаза.

Все?!

Кожу на шее крепко так обжигает. Но я не сворачиваю и не замедляю бега.

— Ннна-а-а!!!

Игольчатый штык вонзается в живот фрица. Человеческая плоть сопротивляется металлу, винтовку ощутимо дернуло, но я все же сумел удержать ее в руках. Трехлинейка погрузилась в тело врага по самую мушку.

Невольно поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с противником. Какая же мука написана на его лице, какую же боль оно отражает! Изо рта обильным ручьем течет кровь, а василькового цвета глаза

будто тухнут — жизнь стремительно покидает врага. На мгновение меня словно парализует.

Ударившая слева автоматная очередь приводит в чувство. Бой не окончен, нечего раскисать!

...Наши не добежали до противника какой-то десяток метров. Но немецкие пулеметчики в буквальном смысле ставят перед собой стену свинца; унтеры, поддерживающие своих автоматным огнем, четко организуют подчиненных.

Стоящий в десяти метрах фриц разворачивается в мою сторону. Какой-нибудь фельдфебель — именно командиры немецких отделений вооружены пистолетами-пулеметами «МП-38/40». Да, я могу это определить — нас хорошо учили командиры, хлебнувшие лиха под Смоленском. Они-то и рассказывали о достоинствах и недостатках трофейного оружия, советовали использовать фрицевские автоматы только в ближнем бою — свыше 100 метров они никакой точности не имеют. Убеждали получше освоить родную трехлинейку — оружие надежное и точное.

Только вот незадача: моя сейчас застряла в теле убитого врага. Пытаюсь выдернуть, не идет — а фриц все разворачивается в мою сторону, медленно так, словно в воде. Руки немеют, по спине бежит смертный холодок...

В какофонии звуков боя я не слышу выстрела, но явственно вижу, как дернулась от удара голова врага. Тяжелым кулем он валится на бок.

Время вновь ускоряется. Поднимаю выпавший из рук убитого немца (*и что раньше не догадался?*) карабин с примкнутым ножевым штыком и вновь бросаюсь вперед, слыша за спиной раскатистое, яростное:

— УРРРА-А-А-А!!!

Командиры вновь подняли бойцов.

На этот раз добегают все; вокруг стремительно завертелась кровавая круговерть рукопашной схватки. В ход идут штыки, саперные лопатки, зубы, кулаки... Люди словно переродились в зверей — над полем повис жуткий, многоголосый вой.

Большинство немцев крупнее нас; хорошо откормленные, увитые крепкими мышцами, они не хуже красноармейцев владеют штыковым боем (а то и лучше). Щуплые, маленькие крестьянские парни из пополнения (кое-кто мясо попробовал впервые в армии) кажутся по сравнению с фрицами коротышками.

Но все это с лихвой компенсируется мощным зарядом ненависти к врагу. И если до того немцы уверенно давили нас пушками, минометами, пулеметами, то сейчас мы, по сути, равны; сейчас у нас есть шанс одолеть врага — и мы его используем.

Я успеваю добежать до очередного противника прежде, чем он успел перезарядить свой карабин. Колю длинным выпадом — но немец заученно сбивает мою винтовку ударом ствола и с силой бьет в ответ.

В последний момент парирую укол ложем карабина — ножевой штык лишь скользит по телу, прорезав шинель и кожу. Обратным движением бью навстречу упором приклада. Удар в голову получается не очень сильным, но немец отпрянул. Еще одна выигранная секунда — и я заученно достаю челюсть врага прикладом с разворота. Фрица пошатнуло, но он остается стоять на ногах — мне не хватило замаха.

Враг отпрянул, колет в ответ. Но теперь уже я отбиваю укол стволом карабина. Дергаю его на себя — и штык-нож в коротком выпаде вонзается в живот фрица...

*Сержант Федор Аникеев,
командир пулеметного расчета
496-го стрелкового полка.*

Контратаку 507-го (один неполный батальон) и батальона пополнения, который привел какой-то важный командир из штаба фронта, немцы отбили. Да и то сказать, у фрицев пулеметы и сейчас имеются в каждом отделении ровно по штату; они основа огневой мощи врага. А наши бежали в рост, на ура взять пытались... Нет, до кого добежали, ударили крепко, смяли, перебили в яростной рукопашной.

Но основная масса фрицев откатилась, залегла и открыла такой плотный огонь, что подобраться к ним стало просто невозможно. Потрепанные батальоны отвели на станцию, зато наш 496-й полк практически в полном составе развернули для атаки.

Немцы ведь тоже откатились к Казинке. Но у них такая тактика: крепко ударить и, если противник слабый, додавить его с ходу. Если же сильно огрызается, фрицы отступят, людей поберегут. Подтянут артиллерию, минометы, когда имеется — бронетехнику. Концентрируют силы. Еще раз крепко обрабатывают оборону врага артогнем. И снова удар. Не получилось, опять большие потери — отступят. Еще раз артподготовка. Еще раз концентрация сил, подтягивание резервов. Еще один удар... А населенные пункты за спиной обязательно укрепляют, причем

быстро. Пара-тройка часов — и потеснить фрица из уже готового узла обороны не так-то просто.

Вот наши командиры и порешили, что атаку противника надо предупредить и выбить его из села раньше, чем он основательно в нем закрепится. Идея-то неплохая, но мне ли, ветерану боев под Смоленском, не знать, как дорого нам обходятся такие атаки, как невелик шанс успеха...

Еще раз внимательно осматриваю свой пулемет. Мой «ДП-27», «дегтярев пехотный» образца 1927 года, уже, наверное, тысячу раз почищен, смазан, обтерт — но подготовка оружия перед боем лишней не бывает. Да и успокаивает меня сей процесс. Ведь вроде не в первый раз в схватку, но пока стояли на переформировке в Ельце, уже успел — отвык от... Как правильно сказать-то? От близкой смерти? От напряжения боя? От того, что надо идти кого-то убивать и сделать так, чтобы не убили тебя? Да, наверное, от всего.

— Вася, ты диски набил?

— Так точно, товарищ сержант!

Василий Орехов, мой второй номер, еще не бывал в боях. Но парень вроде не трус, да к тому же грамотный, городской. Для него этот бой не просто схватка с фрицами. Сегодня Вася будет защищать свой родной город, свой дом. И хотя парень отчаянно волнуется, я верю, что в бою он не подведет.

Эх, только выживем ли?! Знаю, перед дракой такие мысли гнать надо. А с другой стороны — куда от них деться-то, от мыслей? Пулеметных расчетов в полку кот наплакал, причем атаку поддерживаем в первую очередь мы, «ручники». Станковые «максимы» просто так с собой не утащишь, в них живого веса больше 60 килограммов. А на поле, атакуя